

историографии. Подобная критика, зачастую выходящая за рамки только лишь научных дискуссий являлась средством борьбы официально утвержденных академической наукой исторических положений с новыми концепциями и подходами в советской историографии, расходящимися с «генеральной линией», но все-таки вполне имеющими право на существование и научное развитие.

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ

К.Е. Ситниченко

Для современного периода развития России характерен поиск исторически обусловленных системообразующих факторов в социально-политических, духовных, культурных, национальных и других сферах общества. Переживаемые Россией трудности в 90-х годах прошлого и в начале XXI века, привели к актуализации этнокультурного сознания, стремления народов к пониманию своих исторических корней, своей сущности, возрождению традиционных форм отношений. В современной научной литературе данный процесс получил название национального Ренессанса, появление которого в социокультурной ситуации на рубеже веков было обусловлено трансформацией официальной идеологической доктрины государственной власти, культурным, духовным поиском сущности различных форм цивилизационных и общечеловеческих ценностей.

Вектор философствования начала XXI века созвучен с аналогичным процессом, происходившим в России в начале прошлого столетия и выступает как результат очередного кардинального поворота в нашей истории, затронувшего основные механизмы функционирования общества в условиях нарастающей глобализации. Период «Серебряного века» начала XX столетия, являл собой форму культурного синтеза, связанного с символической интерпретацией всего – искусства, философии, религии, общественной деятельности, творчества, реальности. Происходила творческая, предельно свободная трактовка привычных культурных областей и видов деятельности. Деятельное расширение границ познания формировало поиски новых методов исследований, но в

тоже время их философские, нравственно-эстетические и иные искания не находили отклика у основной массы населения, были доступны лишь культурной элите российского общества. Это противоречие явилось одним из тех оснований драматических последствий русской истории, завершившихся Исходом именно этой рафинированной культурной элиты общества.

Основная цивилизационная проблема России – осознание силы и слабости русского народа как государственно-несущей этнокультурной составляющей России не была разрешена в многочисленных интеллектуальных исканиях начала XX века. Эта задача вновь возникла на рубеже XX-XXI веков в период формирующегося кризиса национально-культурной идентичности, неопределённости государства в его самоопределении и самопозиционирования, опасности реанимации «импортных» форм и норм восприятия собственной сущности. Перед исследователями вновь сформировалась необходимость преодоления основного препятствия в разрешении национально-культурных проблем – синдрома «расколотого общества».

И для этого, в условиях современного общественного процесса, для которого характерно глобальное национально-культурное возрождение, возникает потребность осмыслить прошлое своего народа, выявить исторический и культурный потенциал его развития. Одним из возможных вариантов выявления данного потенциала является изучение трудов выдающихся мыслителей Русского Зарубежья, переосмысливших результаты поисков национально-культурной идентичности России в вынужденной эмиграции: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, П.А. Сорокина и других. Причины всплеска интереса к воззрениям названных классиков коренятся в актуальности и современном звучании затрагиваемых в их философском наследии проблем, посвященных национально-культурной идентичности.

Особенностью эмиграции части русского общества после 1917 года явилась ее массовость, влияние политического фактора, стремление к сохранению национальной и культурной идентификации. Культурная элитарность являлась доминантной в

эмигрантской среде первой волны, где почти все имели начальное образование, приблизительно 2/3 – среднее, каждый седьмой – университетское. Согласно данным анкетирования в 1931 году в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе около 150 профессоров¹.

Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью мертвого принципа, ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство её жизнью, какие бы стороны этой жизни мы ни брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...»² – отмечалось в «Последних новостях», самой массовой газете русского зарубежья с разнообразными беллетристическими и литературно-критическими отделами.

Также и П.Б. Струве отмечал, что «Русское Зарубежье, есть явление количественно и качественно весьма внушительное. Зарубежье, есть великий и беспримерный исход, вытекший из величайшего исторического катаклизма, не приведшего еще ни к какому, хотя бы относительному временному равновесию»³.

Одним из вопросов, поднимаемых в изгнании, для осознания собственной идентичности, являлся вопрос Родины. Обращение к теме Родины, её мифопоэтическое восприятие в условиях эмиграции не было простым стечением исторических обстоятельств. В условиях изгнания, отсутствия качественно привычного витального уклада и различии культурных маркеров, достаточно остро вставали вопросы о судьбе России, особенностях её культурно-исторического пути и собственной идентификации эмигрантов на фоне всемирной истории, исходя из идей всеединства, соборности, выработанные русской философской мыслью еще в XIX-начале XX веках. «Родина не есть то место на земле, где я родился, произошел на свет от отца и матери, или где я «привык жить»; но то духовное место, где я родился духом

¹ Большая Российская Энциклопедия. «Россия». М.: Научное изд. Большая Российская Энциклопедия, 2004. С.411.

² Цит. по: Литература русского зарубежья: Антология. Т.1. Кн.1. М.: «Книга».1990. С.10.

³ Россия. 1928. 7 августа.

и откуда я исхожу в моем жизненном творчестве» – писал И.А. Ильин.¹

Через исторически сложившееся русское восприятие культуры, основываясь на её религиозном православном ядре, в котором аккумулировалась идея всеединства как тождества добра, истины и красоты, можно было, по мнению эмигрантов, определить, что потеряла родина в ходе вынужденного исхода части русского интеллектуального общества. И как можно сохранить духовные составляющие традиционной отечественной культуры, в рассеянии, в не физическом, а метафизическом восприятии родины. В этом можно сослаться на Питирима Сорокина, отражающего свой взгляд на понятие культура: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которой пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, главную, ценность. Доминирующие черты изящных искусств и науки такой единой культуры, её философии и религии, этики и права, её основных форм социальной, экономической и политической организации, большей части её нравов и обычаев, её образа жизни и мышления (менталитета) – все они по-своему выражают её основополагающий принцип, её главную ценность. Именно она, эта ценность, служит основой и фундаментом всякой культуры»².

В результате, в сознании эмигрантского общества сформировалось понимание того, что цементирующим культурным ядром Русского Зарубежья, его духовными составляющими, находящимися в единстве, являлись: Православная традиция, основанная на философских идеях всеединства, соборности, особое метафизическое восприятие свободы и творчества, характеризующиеся особенностями российского сознания.

Православие становится для эмигрантов основным связующим звеном между ними – социально-культурной общностью без физических и юридических границ и Родиной, осознаваемой ими на

¹ Ильин И.А. За национальную Россию // Слово. -1991. №6. С.85.

² Сорокин Питирим. Человек, цивилизация, общество. М., Прогресс, 1991. С.429.

уровне метафизического восприятия. Структурно-организационное воплощение веры – Русская Православная Церковь становилась для эмигрантов формой их духовной причастности к русской истории и русской культуре. В повседневной жизни Церковь также представляла собой исключительно важное средоточие творческой энергии и солидарности эмигрантов.

В эмиграции возрождается принцип соборности, являющийся формой самоопределения русского народа, его смыслообразующей связки «Я» – «МЫ», осуществляющий возможность восстановления утраченной связи личности и коллектива в русской культурной, философской традиции. Он дополняется понятием иррационализма, характеризующим другой структурный элемент русского национального сознания. Принцип соборности – это своеобразное обоснование национального духовного единения, целостности общественно-нравственной, культурной жизни на основе любви к Богу. Н.А. Бердяев писал об «изначальной русской экзистенциальности мышления», которому не свойственна «замкнутость», «отяжеленность», «закупоренность» в восприятии мира.¹

Важно отметить, что эмигранты-философы воспринимали соборность как органическую целостность, не отрицая индивидуальность каждого «Я» и его свободу. Напротив, индивидуальность и свободу личность получает только из связи с целым, напитавшись жизненными соками из надиндивидуальной коллективной общности.²

Эмиграция видела свое предназначение в сохранении соборной души в изгнании и возможности воссоединение её, если не телесно, то словом, по возвращению, с родиной – Россией. Вот почему больше всего именно в разработке философских концепций, публицистике, искусстве, а особенно в литературе эмиграция нашла самое полное свое выражение. «Конечно, литературные произведения легче всего распространять и «экспортировать», а язык – главная черта,

¹Бердяев Н.А. Судьба России. С.238.

²Франк С.Л. Русское мировоззрение. // Франк С.Л. Духовные основы общества. - М.: Республика, 1992. С.487.

определяющая единство нации», – писал исследователь культуры Русского зарубежья, сам эмигрант, вывезенный родителями из России в 1926 году М.И. Раев.¹

Но на протяжении 20 лет, с начала 1920-х по 1939 годы, межвоенная русская эмиграция стремилась не только к сохранению своей индивидуальности и, как возможный итог – «окосновению» творческого потенциала, но, интегрируясь в западное европейское общество, затрачивая значительные усилия на борьбу с денационализацией, формировала свой взгляд и на завершение универсалистской традиции истолкования русской национальной идеи (Русской идеи) – идеи Домостроительства Вселенной.

С одной стороны: «Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая».²

С другой, самобытность русской культуры в среде эмигрантов определялась через особый сплав православного эллинизма, языческого наследия, азиатского влияния и светской культуры, то есть представляла собой своеобразный культурный синтез. Православие воспринималось как универсальная духовная основа русской культуры, являющаяся единственным средством интеграции русского общества в инокультурное пространство при сохранении собственного национально-культурного лица – самоидентификации. Только оно, по мнению изгнанников, способно обеспечить единство русской нации, целостность ее культурного мироздания, и осуществления идеи устремления человечества к всемирности и всечеловечности. Христианская любовь в её православном понимании возвышает отдельного человека и приводит к идее соборности, так как спастись возможно лишь сообща, посредством всеобщей ответственности и единения, что было очень важно для русского человека, вынужденно живущего на чужбине.

¹ Раев М. Россия за рубежом. М., 1994. С.124.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.9.

Выполнение миссии – довести до мира идею всечеловечности и всеединства и являлось основным мессианским призванием россиян в эмиграции. Данное призвание – важнейшее социально-культурное следствие мироощущения эмигрантов – аккумулируется в знаменитой фразе Д.С. Мережковского: «Мы не в изгнании, мы в послании». Этому призыву последовали многие изгнанники.

По мысли Г.П. Федотова, И.А. Ильина, А.В. Карташева, Л.П. Карсавина и других, именно русскому народу была определена исторической судьбой особая миссия – показать культуре человечества условия выхода из того духовного кризиса, в котором оно оказалось после Великой войны, кризиса, который воспринимался ими не только как национальный, но и как мировой. Каждый из мыслителей по-своему подходил к пониманию значения миссии, усматривая осуществление вселенского христианского идеала в будущем, через осмысление его истоков в прошлом, что характерно было для диаспорного сознания. Но в результате выявлялась проблема разрыва в непрерывности, линейности времени (отсюда катастрофизм настоящего как основа рождения нового, вневременное, надвременное в сознании). Данная форма сознания являлась следствием становления в начале XX века теоретически-обобщаемого знания, а непосредственное эмпирическое восприятие окружающего мира, тем более в эмиграции, было затруднено. Поэтому в диаспоре идея осуществления миссии, последовательного перехода от прошлого к настоящему, а через него – к будущему, формируется на основе структурности связей, системообразующими элементами которых являются: государство, общество, личность, духовные ценности. Ведь эмигрант существует в условиях неизбежного наложения двух культур: объективно-реальной – собственно эмигрантской, и субъективно-реальной – прежней, ушедшей в историческое прошлое, но сохраненной в индивидуальной памяти и совокупной памяти эмигрантского сообщества. В результате данного наложения культурных пластов, возможна трансформация истинной реальности в метафизическую форму её восприятия. В результате, идея миссианизма, основанная на метафизическом, трансцендентном сознании, осознаётся через необходимость

культурного творчества. А творческая деятельность личности становится связующим звеном в постоянно обновляющемся проявлении идеала. Представители русской культурной диаспоры свое предназначение видели в том, чтобы сохранить в изгнании соборность души народа и через творческое начало воссоединить её по возвращении с родиной. Для этого миссия эмиграции должна была пройти в перспективе несколько последовательных стадий. Начальная сводилась к функции сохранения в изгнании русской культурной традиции, вторая заключалась в разработке новой идеологии для будущей свободной России, а третья подразумевала перспективу превращения русской культуры в новый тип мировой культуры.

Несмотря на множественный полифоничный характер взглядов эмигрантов на своеобразие русской культуры и её место в общемировом культурном пространстве, можно отметить их стремление преодолеть безвременье эмигрантского существования. Опираясь на многообразие взглядов русской эмиграции в вопросе сохранения культурного отечественного своеобразия и призвания России, в современных условиях можно не только обрести опыт сохранения культурной идентичности, что весьма важно в условиях углубляющихся процессов интеграции мирового сообщества, но и выйти на проблему динамического равновесия в культуротворчестве, созидания культуры многообразия.

Глава 3. СУБЪЕКТНЫЙ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА В ВУЗЕ

Н.В. Яковлева

Разрыв между качеством образования и ростом требований к компетенциям персонала – специфика не только российского, но и зарубежного высшего образования. Несоответствие того, чему учат, тому, что требуют социально-практические ситуации, может быть охарактеризовано как кризис сферы высшего образования: система